

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1904—1905.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВѢНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

намъ насельниковъ ихъ Гиляковъ и другихъ иноподцевъ, достояніе которыхъ, какъ и тогда, состоятъ изъ собакъ и оленей, одежда — изъ шкуръ ихъ, а пища изъ рыбы и мяса, добываемыхъ охотой.

П. Поповъ.

Древнѣйшія арабскія извѣстія о празднованіи Нау- рұза въ Сасанидской Персіи.

(I. Народные календарные праздники. Персидскіе элементы въ Исламѣ — Наурұзъ и Рұзи-катль. Арабскія извѣстія о Наурұзѣ. Китъбъ-аль-махъсинъ уа-ль-аддъаъ и извѣстія Кисравъ. II. Переводъ извѣстій Кисравъ. III. Сказанія о началѣ Наурұза. Церемоніальное раздѣленіе мѣсяца и дней его. IV. Церемонія поздравленія — поздравитель и обрядовый столъ. Современныя параллели къ этому обычаю. V. Похищеніе воды и одареніе главы еврейской общины. Объясненія изъ процесса переживанія. VI. Посѣвъ и сборъ хлѣбныхъ растений. «Адонисовы сады» въ старой Персіи. VII. Персидскія пѣсни въ Наурұзѣ. Пѣвецъ Фах-лабадъ).

I.

Народные праздники, — тѣ моменты народной жизни, когда «религіозные, нравственные и поэтическіе идеалы народа принимаютъ видимый образъ»¹⁾, — весьма мало привлекали вниманіе изслѣдователей быта и фольклористовъ. Проф. Шрадеръ недавно указалъ на то, что сравнительная «эртологія», сравнительное изученіе народныхъ праздниковъ, несмотря на богатство матеріала, едва лишь начата и что, прежде чѣмъ удастся возстановить древнѣйшія формы, понадобится значительное количество времени и труда на изученіе различныхъ, справлявшихся въ историческое уже время праздниковъ²⁾. Однако, несмотря на это, по мнѣнію того же проф. Шрадера, въ настоящее время уже возможно выяснитъ нѣкоторыя общія формы народныхъ празднованій и установитъ связь этихъ празднованій съ нѣкоторыми другими явленіями народной жизни. Такъ, какъ одно изъ главныхъ общихъ положеній, можно установить тѣсную связь праздниковъ съ раздѣленіемъ времени, календарный характеръ народныхъ праздниковъ³⁾. Этотъ характеръ сказался и въ нынѣ занимающемъ насъ персидскомъ народномъ праздникѣ Наурұзѣ.

1) J. Burckhardt, Die Cultur der Renaissance in Italien, II, Leipzig, 1901⁸, 124.

2) O. Schrader, Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg, 1901, 978.

3) O. c., 552, 977.

Относительно древне-иранской хронологии существует, какъ извѣстно, рядъ изслѣдованій, въ разсмотрѣніе которыхъ мы, въ данномъ случаѣ, не будемъ вдаваться. Отмѣтимъ лишь компетентное мнѣніе проф. Нельдеке¹⁾, отказавшагося называть день государственнаго поваго года въ эпоху Сасанидовъ Наурузомъ, на томъ основаніи, что это слово, по его предположенію, примѣнялось всегда лишь къ народному празднованію весны. Дѣло въ томъ, что сасанидскій календарь²⁾, хотя и солнечный, былъ переходный и потому государственное начало года далеко не всегда совпадало съ днемъ весенняго равноденствія, народнымъ Наурузомъ, что, однако, не лишало этотъ праздникъ календарнаго характера. Несовершенство календарной системы не вліяло на установленную принципиально норму. Первый мѣсяцъ Фарвардінъ могъ очень отдаляться отъ дня весенняго равноденствія, но жизненные явленія, связанныя съ системой, предполагали идеальный порядокъ, достигавшійся фактически вставленіемъ черезъ опредѣленное количество лѣтъ добавочнаго мѣсяца. Справлявшійся торжественно, какъ увидимъ далѣе, при дворѣ сасанидскихъ царей Наурузъ имѣлъ и имѣеть, какъ праздникъ весенняго обновленія природы, первостепенное значеніе въ народномъ календарѣ земледѣльческой Персіи. Этотъ народный характеръ ясно виденъ изъ современнаго значенія Науруза, который справляется вездѣ въ предѣлахъ распространенія персидскаго народа и персидской культуры — Шиптами и Парсами³⁾, Бабидами⁴⁾ и сектой Али-Илахи⁵⁾, у Ансаріевъ⁶⁾ и въ средней Азій⁷⁾.

Извѣстно, какое громадное вліяніе имѣли иранскіе элементы на обра-

1) Th. Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden, 1879, 407, anm. 2.

2) Объ иранскомъ календарѣ вообще и его библиографію см. Grundriss der iranischen Philologie, Band II, 1896, 675—678 (статья Л. Н. Грей). Въ частности Nöldeke, о. с. 406—407. Краткія свѣдѣнія о современномъ исчисленіи времени у Персовъ см. у А. J. Ceip, Astronomie und Zeitrechnung der Perser въ Ausland, 1892, 534—538. По русски далѣ рядъ свѣдѣній о шиитскомъ праздничномъ календарѣ А. Берже, О народныхъ праздникахъ и знаменательныхъ дняхъ у мусульманъ-шиитовъ вообще и у персіянъ въ особенности, Кавказскій Календарь за 1856 г. Тифлисъ, 582—608.

3) D. F. Karaka, History of the Parsis, London, 1884, I, 144 foll. и D. Menant, Les Parsis, 1898, 105.

4) E. G. Browne, A year amongst the Persians, London, 1893, 321.

5) S. G. Wilson, Persia life and customs, 2-nd edition, Edinburgh-London, 1896, 236 foll.

6) M. Catafago, Notice sur les Ansériens, Jour. As. 4-me série, t. XI, 1848, 161 suiv., R. Dussaud, Histoire et religion des Nosairis, Paris, 1900 (Bibl. de l'école des hautes études, fasc. 129), 149.

7) О древнемъ празднованіи новаго года въ Средней Азій см. китайскія извѣстія A. Rémusat, Nouveaux mélanges asiatiques, I, Paris, 1829, 229, также и у W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, I Sogdiana, SBWA, phil.-hist. Classe, 1877, 72 folg. и 8 отд. отр.

зование и развитие Ислама. Проф. Гольдциэръ опредѣлялъ двѣ формы воздѣйствія этихъ элементовъ: заимствованіе и реакцію¹⁾. Два главнѣйшихъ праздника мусульманской Персіи—народный новый годъ, день наступленія весны, Наурӯзъ и воспоминаніе о павшихъ при Кербелѣ, десятое число мѣсяца Мухаррема, Рузи-катль, «день убіенія»—различаются весьма характерно для персидско-мусульманскаго синкретизма. Празднованіе памяти Хусейна установилось не только въ эпоху ислама, но въ относительно недавнее время; оставляя въ сторонѣ указанія на оплакиванія смерти алядскихъ мучениковъ еще при Омайядахъ и введеніе буйдомъ Му^с-изъ-адъ-даулой общественнаго траура по Хусейну, полное развитіе культа и связанной съ нимъ тенденціи нужно относить лишь къ болѣе позднему времени²⁾. Не касаясь пока вопроса о возможныхъ связяхъ культа 10-го дня Мухаррема у шиитовъ съ иными, болѣе древними вѣрованіями, можно, думается намъ, сказать, что данный случай есть образецъ реакціи безъ непосредственнаго возвращенія къ старинѣ. Иное дѣло Наурӯзъ. Введенный еще вторымъ аббасидскимъ халифомъ Маусӯромъ въ officialный обиходъ³⁾, онъ празднуется и понынѣ, при дворѣ персидскихъ шаховъ, какъ пѣкогда сасанидскими царями. Поэтому, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ прямымъ заимствованіемъ въ духѣ возрожденія старины, хотя бы съ цѣлями той же реакціи⁴⁾.

Лучшими источниками свѣдѣній о празднованіи Наурӯза въ древней Персіи являются арабскія сочиненія. Главнѣйшее изъ нихъ—извѣстный трудъ Абӯ-Райхана-Мухаммеда-ибнъ-Ахмеда-аль-Бирӯни о хронологіи древнихъ народовъ, написанный въ 1000 г. по Р. Х. Этотъ трудъ, по справедливому замѣчанію проф. Захау, издавашаго и переведшаго его⁵⁾, имѣетъ характеръ первоисточника и особенно важентъ въ той части, гдѣ дѣло идетъ о календарѣ и календарныхъ праздникахъ древнихъ обитателей Средней

1) J. Goldziher, Islamisme et Parsisme, Revue de l'histoire des religions, t. 43, 1901, 3.

2) G. van Vloten, Les drapeaux en usage à la fête du Huçein à Téhéran (Internationales Archiv für Ethnographie, Band V, 105—111), гдѣ приведена библиографія.

3) A. von Kremer, Culturgeschichte der Streifzüge auf dem Gebiete des Islams, Leipzig, 1873, 32; Его-же, Culturgeschichte des Orients, II, Wien, 1877, 78 folg.; J. Goldziher, Muhammedanische Studien, I, Halle, 1889, 210; G. van Vloten, Recherches sur la domination arabe, le chiitisme et les croyances messianiques sous le khalifat des Omayyades, Verhandelingen der koninglijke Akademie van Wetenschappen, Afdeling Letterkunde, Nieuwe reeks, Deel I, Amsterdam, 1896, 9, 13 suiv.

4) При этомъ, иногда, старое содержаніе облекается въ новыя формы: см. напр. параллель между Джамшидомъ и Алї у Goldziher, Muhammedanische Studien, II, Halle, 1890, 331.

5) Chronologie orientalischer Völker von Albèrùni, herausgegeben von E. Sachau, Leipzig, 1878 и его-же переводъ, Chronology of ancient Nations, London, 1879.

Азія¹⁾, т. е. о вопросѣ, интересующемъ насъ въ данномъ случаѣ. Позднѣйшіе писатели, каковы напр. Казвінн²⁾ и Дямашкн³⁾, давая иногда нѣкоторыя дополненія къ Бїрўнн, въ смыслѣ цѣлости и достовѣрности извѣстій, несомнѣнно уступаютъ ему. Относительно персидскаго, согдійскаго и хорезмійскаго календарей, Бїрўнн пользовался двойными источниками—устными и письменными⁴⁾. Проф. Захау указалъ на то, что эти письменные источники совершенно исчезли; болѣе того, большинство авторовъ этихъ сочиненій, какъ и устныхъ передатчиковъ, извѣстно лишь по именамъ. Мы не знаемъ даже, кто были упоминаемые имъ Са'їдъ-ибнъ-аль-Фадль (р 101, ф, 111, г; 199, 208, 422), Йрāншехрн (111, г, 1, 208, 423), Тāхиръ-ибнъ-Тāхиръ (110, ф; 211) и т. д. Тѣмъ важнѣе должны быть для насъ извѣстія болѣе древнія, чѣмъ извѣстія Бїрўнн, сохранившіяся у писателя, литературная дѣятельность котораго относится къ половинѣ IX-го вѣка. Мы говоримъ о Мўсā-ибнъ-Йсā-аль-Кисравн.

Кисравн не разъ уже упоминался, особенно въ русской ученой литературѣ. Бар. В. Р. Розенъ (къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худāй-Нāмэ, Восточныя Замѣтки, Спб. 1895, стр. 153 слѣд.) указалъ на связь сообщаемыхъ этимъ писателемъ извѣстій съ древними, до-мусульманскими матеріалами. Позже С. Ф. Ольденбургъ (О персидской прозаической версіи книги Снндбāда, Сборникъ Аль-Музалъарнн, Спб. 1897, стр. 253—279, особенно 270) вернулся къ Кисравн, доказывая его тожество съ авторомъ Малаго Снндбāда. Тотъ же Кисравн имѣетъ первостепенное значеніе и въ интересующемъ насъ вопросѣ о празднованіи Наурўза въ древней Персіи⁵⁾.

Любопытныя извѣстія Кисравн о Наурўзѣ находятся въ книгѣ «Кятāбъ-аль-махāсннъ уа-ль-аддāдъ», изданной въ 1898 г. Фанъ-Флотеномъ⁶⁾. До изданія книга эта приписывалась извѣстному Джāхнзу и даже Фанъ-Флотенъ, при изданіи, назвалъ ее «приписываемой» Джāхнзу, хотя уже въ предисловіи выразилъ рядъ сомнѣній относительно принадлежности

1) Chronology, V—VI.

2) У Захау, Chronology, 422, при ссылкѣ на извлеченія изъ Бїрўнн у Казвінн, вкралась опечатка: Казвінн говоритъ о персидскихъ мѣсяцахъ не во второмъ, а въ первомъ томѣ, стр. 19—21, о Наурўзѣ: 20—21. Примѣчанія Голіуса къ Ферганн, къ которымъ отсылаетъ Захау, даютъ свидѣнія о Наурўзѣ на стр. 21—23 (Alferganus, Elementa astronomica, opera J. Golii, 1669, Amstelodami).

3) A. Mehren, Cosmographie de Dimichqui, texte arabe, St. Pētersbourg, 1866, 111; Его-же, Manuel de la cosmographie arabe du moyen āge, traduction, Copenhague, 1874, 404.

4) Chronology, XI—XII.

5) Goldziher, Muhammedanische Studien, I, 210, anm. 1 и бар. В. Р. Розенъ, цит. ст. 168.

6) Le livre des beautés et des antitheses, attribué à Abu-Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz de Basra, texte arabe publié par G. van Vloten, pp. 109—114.

ея этому лицу. Тогда же онъ указаль на тѣсную связь и, быть можетъ, зависимость первой части этой книги отъ сочиненія Байхакі «Китāбъ-аль-махāsинъ уа-ль-масāvī», которое проф. Швалли относить ко времени не позже халифата Муктадира (295—320; 908—932)¹⁾. Кажется, на основаніи этого сходства, послѣдній, насколько намъ извѣстно, упоминавшій объ этой книгѣ, проф. Броунъ²⁾ считаль авторомъ ея вѣроятнѣе всего Байхакі.

Не останавливаясь въ данномъ случаѣ на вопросѣ—кто является ея авторомъ, укажемъ лишь, что интересное насъ сообщеніе о празднованіи Науруза (дня весенняго равноденствія) и Михраджана (дня осенняго равноденствія) находится въ одной изъ трехъ, указанныхъ бар. В. Р. Розеномъ³⁾, выписокъ изъ Кисраві.

По установленіи тѣсной связи этой книги и сочиненія Байхакі, устраняется хронологическое затрудненіе для отождествленія сообщающаго о Наурузѣ Кисраві съ третьимъ изъ упомянутыхъ въ Фихриствѣ (I, 150) Кисраві—‘Абӯ-ль-Хусейнъ-Алі-ибнъ-Махдіемъ, ко времени котораго можетъ относиться литературная дѣятельность Байхакі⁴⁾. Тѣмъ не менѣе, мы все же не отказываемся отъ ранѣе насъ выставленнаго мнѣнія, что Кисраві въ Китāбъ-аль-махāsинъ уа-ль-аддādъ есть Мӯсā-ибнъ-‘Йсā. Мы думаемъ такъ потому, что вторая часть этой книги, гдѣ находятся интересующія насъ свѣдѣнія, и Фанъ-Флотеномъ, отрицавшимъ участіе Джāхвиза въ составленіи ея, все же относилась ко времени халифата Мутаваккिला (232—247; 847—861) и нѣсколько позже⁵⁾, слѣдовательно именно къ эпохѣ Мӯсā-ибнъ-‘Йсы.

Прежде чѣмъ представить переводъ текста, считаемъ необходимымъ указать, что вслѣдствіе самого содержанія, этотъ переводъ требуетъ подробнаго комментарія, который мы дадимъ послѣ него⁶⁾.

II.

«Говорить Кисраві: первый, введшій Нпрӯзъ, и установившій степени царей, и утвердившій знаки государственной власти, и добывшій серебро, золото и (прочіе) металлы, и сдѣлавшій орудія изъ желѣза, и приручившій

1) Ibrahim ibn Muhammad al-Baihaqi, Kitāb al-Mahāsīn wal-masāvi, herausgegeben von Dr. F. Schwally, Giessen, 1902, VIII.

2) E. G. Browne, A literary history of Persia, London, 1902, 15.

3) Цит. ст. 167—168.

4) Первая и единственная цитата изъ Кисраві въ первой части Китāбъ-аль-махāsинъ уа-ль-аддādъ, ◯¹, встрѣчается и у Байхакі, ◯VI.

5) Préface, XIII.

6) При переводѣ нѣсколькими цѣнными указаніями мы обязаны бар. В. Р. Розену, которому и считаемъ долгомъ выразить искреннюю признательность.

лошадей и прочихъ верховыхъ животныхъ, и извлекшій жемчугъ, и добывшій мускусъ и амбру и прочія благовопія, и постройшій замки, и устроившій цистерны, и проведшій каналы (быль) Кей Джамъ¹⁾, сынъ Виванджхана²⁾, т. е. хранителя міра, сына Арвахшада, сына Сама, сына Нуха. И было основаніемъ этого то, что онъ въ Нірӯзъ завладѣлъ міромъ и устроилъ области Йрāншехра, т. е. Вавилонской земли. Быль Нірӯзъ началомъ утверждепія власти его; потомъ³⁾ принялъ положенный видъ и сталъ обычаемъ. И властвовалъ онъ тысячу пятьдесятъ лѣтъ; потомъ убилъ его Биварасъ и правилъ послѣ него тысячу лѣтъ до Афрїдўна, сына Асфїяна⁴⁾. И сказалъ о немъ Хабїбъ⁵⁾: «какъ будто онъ Даххакъ въ послѣдствіяхъ его на (завоеваніе) міровъ, а ты Афрїдўнъ». И преслѣдовалъ Биварасъ, и правилъ послѣ него тысячу пятьдесятъ лѣтъ, и плѣнилъ его въ западной странѣ, и заковалъ его, и заключилъ на горѣ Дунбавандъ; и свершилъ (Афрїдўнъ) назначенное ему Богомъ въ жизни его. И произошло заключеніе Афрїдўномъ Биварасъ въ средній десть Михръ-маха и въ Михръ-рӯзъ⁶⁾, и назвали этотъ день Михраджаномъ. И (установленъ) Нірӯзъ Джамомъ, а Михраджанъ Афрїдўномъ; и Нірӯзъ древнѣе Михраджана на двѣ тысячи пятьдесятъ лѣтъ. И раздѣлялъ Джамъ дни мѣсяца и назначалъ пять первыхъ дней (праздникомъ) знатныхъ; и слѣдующіе пять дней Нірӯзомъ царя, во время которыхъ онъ одарялъ и благодѣтельствовалъ; потомъ слѣдующіе пять дней (праздникомъ) для царскихъ слугъ; и пять — для приближенныхъ царя; и пять — для войска его; и слѣдующіе пять дней — для народа. Итого тридцать дней. И Михраджанъ ввелъ Афрїдўнъ, когда плѣнилъ Биварасъ, въ Рӯзи-Михръ.

Послѣ того, какъ царь одѣвалъ уборъ свой и открывалъ приемъ свой, (полагавшійся) въ эти два дня, входилъ къ нему человекъ, угодный именовъ, испытанный (принесеніемъ) счастья, съ веселымъ лицомъ, остроумный. Становился (онъ) противъ царя и говорилъ: «разрѣши мнѣ войти». И спрашивалъ его (царь): «кто ты? откуда приходишь? и куда идешь? и кто идетъ съ тобой? и съ кѣмъ ты являешься? и что ты приносишь?» и говорилъ (тотъ): «я прихожу отъ двухъ благословенныхъ и иду къ двумъ богатнымъ, и со мной идетъ всякій побѣдоносный, и ями мое Худжесте⁷⁾; привожу я съ

1) Последнія два слова — конъектура издателя, см. 109, k.

2) Последнее слово — конъектура издателя, см. 109, l.

3) Принимаю вариантъ С.

4) Последнее слово — конъектура издателя, см. 140, h.

5) Какъ указывалъ уже Фанъ-Флотенъ при изданіи, 140, i — разумѣется авторъ Хамасы, Абӯ-Таммаъ.

6) Последнее слово — конъектура издателя, см. 140, n.

7) Т. е. счастливый.

собой новый годъ, и приношу я царю радостную вѣсть, и привѣтъ, и посланіе». И говорилъ царь: «впустите его», а ему говорилъ царь: «войди!» И ставилъ (тотъ человекъ) передъ нимъ серебряный столъ, по краямъ котораго были разложены лепешки, спеченныя изъ различныхъ зеренъ: пшеницы, ячменя, проса, дурры, гороха, чечевицы, риса, кунжута, бобовъ и фасоли. И бралось семь зеренъ каждаго изъ этихъ сортовъ, и клались (они) по краямъ стола. И по серединѣ его клали семь вѣтвей (тѣхъ) деревьевъ, по которымъ и по именамъ которыхъ предсказывали и видъ которыхъ считали хорошимъ знакомъ, какъ-то: ива, маслина, айва, граната, срѣзанныя въ одинъ, два и три сустава. И каждая вѣтвь клалась во имя одной изъ областей. И писалось на (разныхъ) мѣстахъ: абзудъ, абзайедъ, абзунъ, барваръ, фарăхъ¹⁾, т. е. умпожилось, умножится, умпоженіе, богатство, счастье, изобиліе. И клались (еще) семь бѣлыхъ чашъ, и бѣлыхъ дирхемовъ чекапки того года, и повый динаръ, и пучекъ руты²⁾. И бралъ онъ все это, и желалъ ему (т. е. царю) вѣчной жизни, и продолжительнаго царства, и счастья, и славы.

И (царь) ни о чемъ не совѣщался въ этотъ день изъ опасенія, чтобы не исходило отъ него что-либо нехорошее и не продолжалось весь годъ.

И прежде всего представлялось ему (т. е. царю) золотое или серебряное блюдо съ бѣлымъ сахаромъ, и очищеннымъ, свѣжимъ индійскимъ (т. е. кокосовымъ) орѣхомъ, и серебряными и золотыми чашами. И начиналъ онъ день со свѣжаго парного молока, съ распущеннымъ въ немъ свѣжимъ финикомъ; затѣмъ онъ вкушалъ въ скорлупѣ кокосоваго орѣха⁴⁾ небольшіе финики, и одарилъ изъ нея (т. е. скорлупы) того, кого любилъ, и ѣлъ любимаго сласти.

И каждый день изъ дней Нирӯза спускали бѣлаго сокола. И считали хорошимъ предзнаменованіемъ начинать этотъ день глоткомъ чистаго свѣжаго молока и свѣжаго сыра, и всѣ цари Фарса считали это хорошимъ знакомъ.

И въ каждый день Нирӯза похищалась для него вода въ желѣзномъ или серебряномъ кувшинѣ; и говорилъ (царь). . . .⁵⁾. И падѣвали на шейку

1) Персидскія слова — конъектура проф. Хаутсма для издателя, см. ۳۴۱, о.

2) Последнее слово — конъектура издателя, см. ۳۴۱, s; въ рукописяхъ — *بيته، سته، تينه*.

3) Ср. новоперс. *افزودن، پروردن، فراخی*.

4) Въ текстѣ *بالتارجيل*; по смыслу ясно, особенно изъ сопоставленія съ *جوز هندی*, что тутъ разумѣется именно скорлупа.

5) Фраза, имѣющая отношеніе къ вышеупомянутымъ двумъ благословеннымъ и двумъ благодатнымъ, переводу не поддается. [Можетъ быть слѣдуетъ, съ легкой конъектурой въ текстѣ, перевести: «похищено это изъ-за двухъ благословенныхъ и подносится двумъ благодатнымъ». В. Р.]

кувшина ожерелье изъ зеленыхъ яхонтовъ, панизанныхъ на золотую нитку, въ которую были продѣты бусы изъ зеленого хризолита. И похищали эту воду лишь дѣвушки изъ подъ мельницъ¹⁾ и изъ цистернъ каналовъ²⁾.

И когда бывалъ Нїрӯзъ въ день Субботы, царь приказывалъ давать главѣ еврейской общины четыре тысячи дирхемовъ; и не знали иной причины этому какъ то, что это обычай, исполнявшійся и сдѣлавшійся обязательнымъ, какъ поголовная подать.

И за двадцать пять дней до Нїрӯза строили во дворѣ дворца двѣнадцать столбовъ изъ сушеного кирпича; сѣяли на одномъ столбѣ изъ нихъ пшеницу, и на другомъ столбѣ ячмень, и на слѣдующемъ—рисъ, и на слѣдующемъ—чечевицу, и на слѣдующемъ—бобы, и на слѣдующемъ—крокъ, и на слѣдующемъ—просо, и на слѣдующемъ—дурру, и на слѣдующемъ—фасоль, и на слѣдующемъ—горохъ, и на слѣдующемъ—кунжуть, и на слѣдующемъ—выку. И собирали это всегда съ пѣніемъ, музыкой и играми, и бывало это въ шестой день дня Нїрӯза. И когда (зерна) были собраны, ихъ разсыпали по залѣ. И не разбивали (столбовъ) до Рӯзи-михра³⁾ Мāхи-Фарвардїна. И сѣяли эти зерна лишь для гаданія по нимъ; и говорили, что лучше выросшее изъ нихъ и наиболѣе зрѣлое указываетъ на хорошій ростъ посѣва его въ этотъ годъ. И царь считалъ главнымъ образомъ хорошимъ знакомъ смотрѣть на ростъ ячменя.

И наставникъ сгрѣлковъ давалъ царю въ день Нїрӯза лукъ и пять стрѣлъ. И царь давалъ надзирателю за дворцомъ померанецъ.

И пѣли тогда передъ царемъ — пѣсню обращенія, и весеннія пѣсни, и пѣсни, въ которыхъ говорилось о сыновьяхъ великановъ и описывались дождевыя созвѣздія, и пѣсни — АФрїнъ, Хусравїнї, Мāдарāстāнї, Фахлабадъ⁴⁾. И болѣе всего пѣли персы Фахлабадъ, съ (описаніями) днєй Кперы Абравӣза. И былъ (Фахлабадъ) изъ населенія Мерва. И въ пѣсняхъ его были хвала царю и, говоря на арабскїй ладъ, повѣствованія о времени его, и собраніяхъ его, и побѣдахъ его; (лишь) вмѣсто стиховъ облакалъ онъ это въ форму пѣсепъ. И не проходило дня безъ того, чтобы у него не было новаго стиха и удивительной мелодїи. И пѣлъ онъ пѣсни, въ которыхъ просилъ у царя милости и подарковъ для марзбановъ его и вождей его и ходатайствовалъ за преступника. И если случалось событіе или приходила вѣсть,

1) Букв. «домовъ жернововъ» или «домовъ мельницъ», причемъ первое слово — конъектура издателя, см. ۳۴۲, г.

2) Послѣдніе два слова—конъектура бар. В. Р. Розена. Въ текстѣ читается صنائع الغنى или صنائع الغنى, исправляемое въ مصانع الغنى.

3) Послѣднее слово конъектура издателя, см. ۳۴۳, d.

4) Послѣднее слово конъектура издателя, см. ۳۴۳, г.

сообщить о которой ему (т. е. царю) боялись, говорилъ (Фахлабадъ) стихотвореніе объ этомъ и выражалъ это въ пѣснѣ, какъ случилось, когда палъ конь его Шабдізъ, и не осмѣливались сообщить это, а онъ спѣлъ объ этомъ и сказалъ, что (конь) распростертъ въ стойлѣ его съ вытянутыми ногами, не ѣсть корма и не движется; и сказалъ царь — такъ онъ уже погибъ! И сказалъ (Фахлабадъ): ты сказалъ это, о царь! И (такимъ образомъ) опъ своими стихами заставлялъ царя говорить о томъ, чего не желали представлять ему его сатраны».

III.

Приведенный текстъ, взятый, какъ на то указываютъ два первыхъ слова, у Кисравіи, былъ снабженъ неизвѣстнымъ авторомъ Китабъ-аль-махъсиянъ уа-ль-аддâдъ заголовкомъ: «Махъсиянъ-ан-Нірӯзъ уа-ль-Михраджâпъ» — «Красоты Нірӯза и Михраджâна». Что этотъ заголовокъ принадлежитъ автору всей книги, а не Кисравіи, мы заключаемъ изъ того, что онъ стоитъ передъ словами «говоритъ Кисравіи». Въ описаніи празднованія, у Кисравіи все время говорится о Нірӯзѣ, о праздникѣ цюаго года, и цѣлый рядъ церемониальныхъ особенностей можетъ быть отнесенъ лишь къ весеннему, а не къ осеннему равноденствію. Поэтому, нужно заключить, что описаніе празднованія Михраджâна, либо не находилось вовсе у Кисравіи, либо не дошло до насъ въ этой цитатѣ. Ко второму предположенію склоняетъ то обстоятельство, что во введеніи, предпосланномъ описанію праздника, Кисравіи говорить о Михраджâнѣ.

Въ этомъ введеніи, какъ мы уже видѣли, Кисравіи приводитъ древнія персидскія преданія о началѣ празднованія Наурӯза и Михраджâна, — тема, занимавшая и впоследствии писавшихъ объ этомъ арабскихъ писателей. Особенно много и подробно сообщаетъ Бирӯнн (r10 folg. rrr folg. 199 foll. 207 foll.). Эти извѣстія, хотя и вносяція иногда чуждые, библейскіе элементы¹⁾, являются воспроизведеніемъ древне-иранскаго преданія, перешедшаго позже въ Шâхъ-Намэ, и, приписывая основаніе этихъ праздниковъ мнѳическимъ Джамшпду и Ферйдуну, подтверждаютъ ихъ исконный народный характеръ.

Относительно датъ, дошедшія до насъ сообщенія Кисравіи касаются лишь празднованія Михраджâна, приходившагося въ Михръ-рӯзъ, — такъ назывался каждый шестнадцатый день — шестого мѣсяца, Михръ-мâха, и ничего не говорятъ о времени празднованія Наурӯза. Это обстоятельство,

1) Напр. у Кисравіи генеалогія Джамшпда (см. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, 144, 374); у Бирӯнн — сопоставленіе Джамшпда и Соломона.

впрочемъ, вполне понятно—самое названіе указывало мѣсто въ календарѣ; Наурӯзъ долженъ былъ праздноваться въ началѣ перваго мѣсяца Фарвардїша. Лишь позднѣйшіе компиляторы указывали на то, что этотъ день былъ первымъ днемъ новаго года и что его имя по персидски имѣло это значеніе.

Наконецъ, какъ Кисравї, такъ и Бірӯнї, одинаково сообщаютъ о раздѣленїи дней мѣсяца на шесть частей, по пяти дней въ каждой, назначенныхъ праздникомъ для шести различныхъ общественныхъ группъ и лицъ. Бірӯнї (р1А,11—13, р114,1—1; 203, 209) прибавляетъ къ этому, что и Михръ-махъ, мѣсяцъ празднованїа Михраджаана, такъ же, какъ и Фарвардїшъ, былъ раздѣленъ на шесть частей для празднованїа различныхъ классовъ. Бірӯнї же (р1А,11—р114,2; 203—204) даетъ намъ свѣдѣнїя, которыя не имѣются въ дошедшемъ до насъ текстѣ Кисравї и которыя, какъ увидимъ, содѣйствуютъ пониманїю текста, а именно—одновременно съ раздѣленїемъ мѣсяца на шесть частей, и каждый изъ первыхъ шести дней имѣлъ определенное назначенїе въ церемонїалѣ¹⁾. Въ первый день царь открывалъ праздникъ и объявлялъ о прїемѣ и пожалованїяхъ. Во второй, ему являлся лица, имѣвшїя наибольшее значенїе въ государствѣ—«дихканы» и «ахъ-аль-буѣтаты», т. е. во-первыхъ, представители класса мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, тѣхъ вассаловъ, которые образовывали, по выраженїю проф. Нельдеке²⁾, истинное «ядро націи» и во вторыхъ, представители семи главнѣйшихъ родовъ персидской аристократїи, т. н. «люди домовъ»³⁾. Въ третїй день — рыцари⁴⁾ и представители высшаго духовенства⁵⁾. Въ четвертый—домочадцы, родня и свита царя. Въ пятый—его дѣти и кліенты. Шестой день былъ посвящаемъ царемъ отдыху и осмотру подарковъ. Этотъ день, называвшїйся, какъ и всякій шестой день мѣсяца, Хурдәдъ-Рӯзъ, въ данномъ случаѣ, по словамъ того же Бірӯнї (р114,1; 201), кромѣ того носилъ названїе «Великаго Наурӯза» и имѣлъ большую важность у персовъ. Итакъ, не вдаваясь пока въ разборъ того, почему этотъ день считался особенно священнымъ, отмѣтимъ лишь, что первый изъ второй группы пяти дней мѣсяца считался по преимуществу царскимъ днемъ. Возвращаясь теперь къ дѣленїю мѣсяца на шесть частей, мы отмѣчаемъ, что тѣ обществен-

1) То же у Казвинї, А1,11—12. По Бірӯнї (р1А,11; 203) Хормӯзъ, сынъ Шавӯра, Сызганъ (272—278) первый ввелъ официальное празднованїе дней между малымъ и большимъ Наурӯзами.

2) Nöldeke, о. с. 440.

3) Nöldeke, о. с. 71, anm. 1 и 437 folg.

4) Nöldeke, о. с. 441.

5) Nöldeke, о. с. 450 folg.

ныя группы и лица, которымъ посвящаются эти части мѣсяца, различны у Кисравіи и Бїрўнїи. Въ то время, какъ у Кисравіи первые пять дней считаются праздникомъ знати¹⁾, вторые самого царя, третья—слугъ, четвертые — свиты, пятые — войска, шестые — народа, у Бїрўнїи мы находимъ слѣдующій порядокъ — цари, знать, слуги, кліенты, народъ и пастухи. Далѣе, такъ какъ первые пять дней были посвящены приему различныхъ классовъ знати, а шестой день, или первый изъ второй группы дней, считался царскимъ по преимуществу, то мы склонны считать болѣе достовѣрной группировку дней праздничнаго церемоніала у Кисравіи. Изъ этого же получается выводъ, не лишенный интереса съ обще-исторической точки зрѣнія. Въ то время, какъ шестой день мѣсяца посвящается царю и считается наивысшимъ праздникомъ, все же первые пять дней новаго года считаются Наурўзомъ знати и такимъ образомъ, государственный строй сасанидской Персіи, съ ея развитыми феодальными отношеніями, отражается и въ терминологіи церемоніала.

IV.

Церемонія поздравленія съ началомъ новаго года описывается у Кисравіи съ большими подробностями, что особенно цѣнно, такъ какъ Бїрўнїи ничего не сообщаетъ объ этомъ. Хотя Казвїнїи и Димашкїи, особенно послѣдній, и даютъ нѣкоторыя данныя, по Кисравіи говорить наиболѣе подробно и нѣкоторыя стороны его разказа несутъ на себѣ слѣды большой древности.

Различіе съ позднѣйшими извѣстіями видно съ самаго начала разказа. Кисравіи говорятъ, что поздравитель являлся къ царю послѣ того, какъ тотъ одѣвалъ уборъ²⁾ и открывалъ приемъ; слѣдовательно, это поздравленіе носило характеръ оффиціальной церемоніи. Иначе у Казвїнїи и Димашкїи. По ихъ описаніямъ, поздравитель ждалъ у входа въ опочивальню царя и съ зарей входилъ къ нему, такъ что взглядъ царя при пробужденіи прежде

1) الاشراف (аль-ашрѣфъ) имѣетъ у арабскихъ писателей въ примѣненіи къ Сасанидамъ особое значеніе — именно четвертаго разряда аристократическихъ фамилій — Nöldke, о. с. 71, анн. 1. Въ данномъ случаѣ этому слову придается, по нашему мнѣнію, болѣе широкое значеніе.

2) Повидимому главная часть этого убора — вѣнецъ (ср. Ibn Hischam, Das Leben Muhammeds, herausgegeben von F. Wüstenfeld, I Band, I Theil, Göttingen, 1858, ۴۲۳ folg. и Nöldke, о. с. 221—222), различалась для каждаго отдѣльнаго случая: Бїрўнїи (۲۲۲, ۳; 207) говоритъ, что въ Михраджѣнъ цари одѣвали вѣнецъ, на которомъ было изображеніе солнца и колеса, по которому оно катится. Казвїнїи (AP, 1—r) относитъ этотъ уборъ къ царскимъ сыновьямъ, но Нувайрїи (J. Golius, Alferganus, Notae, 25) сообщаетъ то-же, что и Бїрўнїи.

всего падалъ на этого человѣка. Димашкїи, кромѣ того, приводитъ рядъ вопросовъ царя и отвѣтъ поздравителя. Въ этомъ отвѣтѣ у него нѣтъ одной весьма характерной особенности, имѣющейся у Кисравїи, смыслъ которой былъ, весьма вѣроятно, утерянъ не только для Димашкїи, но и для Кисравїи. Для пониманія ея необходимы нѣкоторыя объясненія.

Въ текстѣ Кисравїи, поздравитель прежде всего на вопросъ царя говорить: «я прихожу отъ двухъ благословенныхъ и иду къ двумъ благодатнымъ». Возникаетъ вопросъ: кто же эти два благословенныхъ и два благодатныхъ? Для того, чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ необходимо обратиться къ религіознымъ представленіямъ и календарной системѣ сасанидской Персіи.

Извѣстно, что каждый день иранскаго года имѣлъ своего духа-покровителя, именемъ котораго онъ назывался. Согласно іерархіи Авесты, первый день мѣсяца былъ днемъ Ормузда, Аура-Мазды, Высшаго Существа, творца и духа добраго начала. Слѣдующіе шесть дней освящались именами шести Амеша-Спента, безсмертныхъ святыхъ духовъ, окружавшихъ Аура-Мазду, имѣвшихъ каждый въ своей власти часть творенія, первоначально выражавшихъ опредѣленные отвлеченныя понятія, а позже снабженныхъ матеріальными атрибутами. Ранѣе мы уже видѣли, что собственно царскимъ праздникомъ, Великимъ Наурузомъ, именовался шестой день, Хурдăдъ-Рўзъ. Хурдăдъ, парсїйская форма авестскаго Хаурватăтъ, есть имя пятаго Амеша-Спента. Посмотримъ же теперь, какое отношеніе могъ имѣть этотъ духъ къ занимающему насъ празднику и какое значеніе имѣлъ онъ въ особой святости этого дня. Хаурватăтъ и шестой, послѣдній изъ Амеша-Спента, покровитель седьмого дня — Америкăтъ, въ парсїйской формѣ Мурдăдъ-Амурдăдъ, послужили темой для изслѣдованія проф. Дармстетера¹⁾. Нѣкоторые выводы этого ученаго имѣютъ значеніе въ занимающемъ насъ вопросѣ. 1. Въ противоположность первымъ четыремъ Амеша-Спента, изъ которыхъ каждый имѣлъ личное и независимое существованіе, Хаурватăтъ и Америкăтъ являются почти всегда вмѣстѣ и присутствіе одного означаетъ присутствіе и другого — они образуютъ пару. Это единство выражается и во внѣшней формѣ: ихъ имена могутъ выражаться двойственнымъ числомъ имени одного изъ нихъ (р. 4). 2. Первоначально выражая опредѣленное отвлеченное понятіе, при дальнѣйшемъ развитіи религіозной идеи, Амеша-Спента получаютъ матеріальные атрибуты; Хаурватăтъ и Америкăтъ, выражавшіе отвлеченныя понятія здоровья и безсмертія (р. 19), имѣютъ и

1) J. Darmsteter, Haurvatât et Ameretât, Paris, 1875 (Bibl. de l'école des hautes études, sc. phil. et hist., 23 fascicule).

матеріальныя атрибуты: Хаурватāгъ — повелитель водъ, Амеретātъ — растительности (pp. 1, 6, 14). 3. Двойственностью духовъ вызывается и двойственность матеріальныхъ атрибутовъ — уже въ Авестѣ воды и растения всегда упоминаются рядомъ (p. 12 suiv.), даруя здоровье и безсмертіе (p. 51 suiv.). 4. Двойственность духовъ имѣетъ вліяніе и на то, что ихъ функции не всегда точно разграничиваются — духъ водъ является ипогда и духомъ растительности (p. 62 suiv.). 5. Хаурватātu и Амеретātu молятся передъ трапезой; ихъ имена употребляютъ вмѣсто жертвенныхъ воды и дерева; они пытаются праведнаго въ раю (pp. 7, 8). Изъ всего приведеннаго ясна, думается намъ, двойственность называемыхъ поздравителейъ существъ. Въ день обповлєнія природы, въ день наступленія новой эры, приходитъ поздравитель отъ Хаурватāта и Амеретāта, святыхъ духовъ, покровителей водъ и растительности, и ихъ благословенія желаетъ на будущій годъ; ихъ имена онъ призываетъ, ставя передъ царемъ столъ съ обрядовой трапезой. Дѣлается понятнымъ, почему царскимъ праздникомъ, Великимъ Наурузомъ именовался шестой день мѣсяца — матеріальныя атрибуты этихъ духовъ, слившіеся въ одно представленіе, являлись атрибутами празднованія весны¹⁾. Четыре первыхъ Амеша-Спента, покровители стадъ, огня, земли и металловъ, стояли въ данномъ случаѣ на второмъ планѣ. Наконецъ, изъ всего этого слѣдуетъ тотъ выводъ, что описываемая церемонія происходила въ шестой, а не въ первый день Науруза, какъ то можно было бы заключать изъ извѣстїи позднѣйшихъ писателей.

Итакъ, поздравитель является къ царю, призывая святыхъ духовъ-покровителей и высказывая счастливыя пожеланія. По Кисраві, онъ же вноситъ обрядовый столъ; по Дямашкї, не столъ, а блюдо вносилъ другой человекъ, слѣдовавшій за нимъ, причемъ на этомъ блюдѣ не было обрядовыхъ хлѣбовъ и лишь позже, по представленіи везира и другихъ должностныхъ лицъ, царю приносили въ корзинѣ коровай; блюдо же содержало семь колосевъ и семь зеренъ различныхъ хлѣбныхъ растений, кусокъ сахара, динаръ и дирхемъ. Содержаніе обрядоваго стола у Кисраві, какъ мы видѣли, значительно полнѣе — здѣсь и лепешки, и семь зерепъ хлѣбныхъ растений, и семь древесныхъ вѣтвей, и семь чашъ, и дирхемы, и динаръ, и пучекъ руты (последнее — если принять конъектуру Фаль-Флотена); всѣмъ этимъ предметамъ назначены на столѣ опредѣленные мѣста. Для характеристики достовѣрности сообщеній Кисраві, весьма важно отмѣтить, что какъ разъ тѣ предметы, которые названы у него и отсутствуютъ у Дямашкї, имѣютъ важное значеніе въ церемоніалѣ. Въ упомянутыхъ на

1) Ср. Darmesteter, o. c. p. 59, note 5.

первомъ мѣстѣ, спеченныхъ изъ различныхъ зеренъ лепешкахъ, несомнѣнно нужно признать обрядовыя лепешки парсійскаго культа, такъ называемыя «драонѣ» (авест.) или «дарѹнъ» (парс.), которыя и по сіе время употребляются у парсовъ, пекутся изъ пшеничной муки въ различныхъ формахъ и размѣрами бывають въ большую монету или ладонь руки¹⁾. Онѣ имѣли и имѣють столь большое значеніе въ парсійскомъ ритуалѣ, что существуетъ рядъ богослужебныхъ церемоній, именуемыхъ Дарѹнъ, неотъемлемую часть которыхъ составляетъ принесеніе въ жертву этихъ лепешекъ²⁾. Къ днямъ, въ которые справляется эта церемонія, относится и день Хурдѣдъ мѣсяца Фарвардѣна³⁾. Кромѣ лепешекъ Кисравіи называетъ еще семь вѣтвей, присутствіе которыхъ также объясняется ритуаломъ. Мы узнаемъ въ нихъ такъ наз. «бересма» (авест.) или «барсомъ» (парс.), пучекъ вѣтвей различныхъ деревьевъ (иногда замѣняемыхъ проволоками), употребляемый въ богослуженіи, причѣмъ число вѣтвей опредѣляется ритуаломъ для каждой отдѣльной церемоніи⁴⁾. Въ церемоніи Дарѹнъ, число вѣтвей барсома, составляющаго ея необходимую принадлежность⁵⁾, опредѣляется въ пять, семь (какъ въ нашемъ случаѣ), девять и болѣе⁶⁾. Вѣтви эти бывають отъ различныхъ деревьевъ. Особенное значеніе имѣеть граната, которая даже возлагается на одинъ изъ обрядовыхъ хлѣбовъ при церемоніи Дарѹнъ⁷⁾; число же суставовъ у вѣтокъ опредѣляется Кисравіи согласно мѣрѣ парсійскаго ритуала—отъ одного до трехъ⁸⁾. Каждая изъ этихъ вѣтвей посвящалась одной изъ семи областей, т. е. кишверовъ, на которые дѣлился, по Авестѣ, весь міръ. Что же касается, наконецъ, до не вполне ясно выраженаго мѣста у Кисравіи о надписяхъ на различныхъ мѣстахъ, то ихъ скорѣе всего нужно относить къ обрядовымъ хлѣбамъ, на которыхъ и вырѣзывались эти благопожеланія. Итакъ, въ описаніи Кисравіи, имѣются на лицо два важнѣйшихъ элемента церемоніи, отсутствующіе у Димашкѣ,— обрядовые хлѣба, Дарѹнъ и древесныя вѣтви, Барсомъ. Кромѣ того, на

1) Anquetil-Duperron, Zend-Avesta, tome II, Paris, 1771, 535; F. Spiegel, Avesta, II Band, Leipzig, 1859, LI, изображенія въ таблицѣ у стр. XL; M. Haug, Essays on the sacred language, writings, and religion of the Parsis, 2-nd edition by E. W. West, London, 1878, 281, 396.

2) Haug, о. с. 407 foll.

3) Anquetil-Duperron, о. с. 573; Spiegel, о. с. LXXIX. О значеніи фды въ Наурузъ съ религіозной стороны — Spiegel, С, и E. W. West, Pahlavi texts, III, 1885, Sad-dar, LI, 314.

4) Anquetil-Duperron, 532; Spiegel, LXVIII; Haug, 397.

5) Anquetil-Duperron, 573; Spiegel, LXXIX.

6) Haug, 397.

7) Anquetil-Duperron, 532, 534; Spiegel, LXVIII; Haug, 139, 282, 407.

8) Haug, 397, note.

столѣ лежали еще слѣдующіе предметы: зерна различныхъ хлѣбныхъ растений, которыя, какъ можно думать изъ дальнѣйшаго разсказа, разсыпались впоследствии по залѣ; необходимыя церемоніальныя сосуды—чаши, дѣлающіяся большею частью изъ мѣди, но также и изъ дорогихъ металловъ¹⁾; вновь отчеканенныя монеты; пучекъ предохраняющаго отъ дурного глаза растенія — руты, персидское названіе котораго «сипендъ» еще Лагардъ²⁾ сблизжалъ съ авестскимъ «спента», святой, указывая, что по древне-иранскимъ вѣрованіямъ, рута считалась однимъ изъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ созданій. Такимъ образомъ, на столѣ, подносимомъ поздравителемъ царю, мы видимъ изображеніе въ миниатюрѣ церемоніи Дарунъ, до сихъ поръ соблюдаемой парсами. Если нѣкоторые предметы, входящіе въ современную церемонію этого имени³⁾, не находятся на столѣ поздравителя сасанидскаго царя, то это нисколько не измѣняетъ нашего утвержденія; съ одной стороны, нѣкоторые менѣе важныя въ данномъ случаѣ элементы могли быть исключены за недостаткомъ мѣста, — съ другой стороны, самый составъ церемоніальныхъ предметовъ могъ въ частностяхъ измѣняться⁴⁾.

Далѣе идетъ у Кисраві описаніе утренней трапезы царя, не находящее намъ у другихъ писателей. Преподносится золотое или серебряное блюдо. Изъ находящихся на этомъ блюдѣ предметовъ прежде всего упоминается сахаръ. Уже Бирўнй указалъ на народный персидскій обычай дарить въ Наурузъ сахаръ. У него же приводятся персидскія повѣрья, что тотъ, кто въ первый день Науруза, утромъ, прежде чѣмъ сказать что либо, съѣстъ меда, избавится на весь годъ отъ болѣзни, и тотъ, кто въ шестой день Науруза, интересующій насъ въ данномъ случаѣ, утромъ, прежде чѣмъ сказать что-нибудь, отвѣдаетъ сахара, спасется отъ несчастья (200—202; ۲۱۳—۲۱۷). Извѣстія Кисраві указываютъ на соблюденіе этого повѣрья и при царскомъ дворѣ. Далѣе упоминается очищенный кокосовый орѣхъ, снова приводящій насъ къ религіознымъ предписаніямъ — по Бундахишу (XXVII, 23) для ѣды разрѣшается лишь внутренняя часть этого плода⁵⁾. Затѣмъ, — золотыя и серебряныя чаши, наполненныя, по всему вѣроятію, сладостямъ, сыромъ, парнымъ молокомъ съ распущеннымъ въ немъ финигомъ; нако-

1) Haug, 394.

2) P. de Lagarde, *Gesammelte Abhandlungen*, 173—174. Обычай бросанія руты въ огонь противъ дурного глаза, отмѣченный Лагардомъ у Персовъ, соблюдается и афганцами — J. Darmestetet, *Chants populaires des Afghans*, Paris, 1888—1890, 257.

3) Haug, 407—408, тамъ же планъ расположенія при службѣ.

4) Въ послѣднемъ отношеніи ср. напр. сообщенія Haug'a съ Anquetil-Duperron, 573.

5) E. W. West, *Pahlavi texts*, Part I, Oxford, 1880, 103.

нецъ, скорлупа кокосоваго орѣха съ финиками небольшихъ размѣровъ. Распушенный финикъ, т. е. безъ косточки, является, опять таки, по требованію религіознаго предписанія, такъ какъ для ѣды разрѣшалась лишь наружная часть этого плода. Наконецъ, Кисравіи сообщаетъ объ обычаѣ, ежедневно, во всѣ дни Науруза, спускать бѣлаго сокола; о самомъ обычаѣ впервые узнаемъ у него, но соколъ при этомъ праздникѣ упоминается и у Казвиніи — его держать на рукѣ поздравитель.

Таковъ церемоніаль поздравленія по описанію Кисравіи. Оставляя въ сторонѣ цѣлый рядъ любопытныхъ подробностей, необходимо отмѣтить въ этомъ описаніи большую важность религіознаго момента. Авторъ, говоря о воззваніяхъ поздравителя къ святымъ духамъ, покровителямъ дня и подробно описывая обрядовый столъ, воспроизводитъ черты глубокой древности. Въ этихъ описаніяхъ чувствуется зависимость отъ сасанидскихъ источниковъ, заранѣе предполагаемая при подобнаго рода сообщеніяхъ мусульманскихъ писателей.

Прежде чѣмъ продолжать комментаріи текста Кисравіи, мы позволимъ себѣ недолго остановиться на нѣкоторыхъ явленіяхъ, могущихъ служить какъ бы иллюстраціей извѣстій арабскаго писателя IX-го вѣка. Подъ этими явленіями, мы разумѣемъ современныя намъ поздравленія съ новымъ годомъ, соблюдаемыя въ районѣ распространенія иранскаго племени и нѣкоторыхъ народовъ, находившихся подъ культурнымъ вліяніемъ Ирана. При этомъ считаемъ долгомъ оговориться, что всѣ эти явленія представляются въ крайне отрывочномъ видѣ, а потому мы, вовсе не претендуя на полноту данныхъ, будемъ вполне удовлетворены, если нѣсколькими примѣрами укажемъ на реальное существованіе тѣхъ фактовъ, о которыхъ мы только что говорили, какъ о воспоминаніяхъ сѣдой старины.

Наурузъ современной Персіи выражается въ двухъ формахъ — въ формѣ придворнаго церемоніала и въ формѣ народнаго праздника. Первая форма заслуживала до сихъ поръ большаго вниманія и описывалась съ большими подробностями; извѣстія о народномъ праздникѣ весьма скудны. Описание придворнаго церемоніала восходитъ еще къ старымъ европейскимъ путешествіямъ и наиболѣе подробно изложено въ знаменитомъ сочиненіи Шардена¹⁾ и въ примѣчаніяхъ къ нему Лауглэ, сообщившаго также нѣкоторыя извѣстія и о древнемъ церемоніалѣ, въ общемъ сходныя съ сообщеніями Димашки и заимствованныя имъ, вѣроятно, изъ Ферхенговъ, откуда же аналогичныя извѣстія перешли и въ нѣкоторые большіе словари,

1) Chardin, Voyages en Perse, nouv. éd. par L. Langlès, t. II, Paris, 1811, 249 suiv.

напр. Ричардсона¹⁾. На тѣхъ же данныхъ основываются сообщенія и позднѣйшихъ большихъ путешествій по Персїи, какъ то Морьера, Узли, Керъ-Портера²⁾. Изъ этнографическихъ описаній Персїи въ XIX-мъ вѣкѣ навболѣе полно и подробно говорится о Наурузѣ въ сочиненіи докт. Полака³⁾, посвятившаго этому празднику цѣлую главу. Его описаніе даетъ яркую и живую картину современнаго празднованія при дворѣ и въ городахъ. Мы узнаемъ какъ приготовляются къ празднику — заготовляютъ излюбленныя сласти (ширїппї) и фрукты, припасаютъ роскошныя одежды и подарки; какъ ожидаютъ и встрѣчаютъ новый годъ въ присутствїи самого шаха высшіе сановники; какъ совершаются поздравленія; какъ шахъ раздаетъ вновь отчеканенныя монеты, которыя по повѣрїю приносятъ счастье; какъ тринадцать дней длится праздникъ; какъ въ церемонїи, на глазахъ большого собранія, шахъ, согласно обычаю, дѣлаетъ нѣсколько глотковъ кофе и нѣсколько разъ затягивается изъ наргилэ⁴⁾. Нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ, какъ напр. церемоніальное питье и раздача новыхъ монетъ, имѣютъ какъ мы видимъ, аналогію въ древности. Къ сообщенію Полака можно, разумѣется, прибавить ту или иную подробность, не лишнюю интереса и для нашего вопроса: такъ напр. Вильсонъ говоритъ, что въ Тавризѣ, при дворѣ Шāхзāде, въ Наурузѣ, въ знакъ наступленія новаго года приносятъ лотокъ съ семью фруктами⁵⁾. Нѣкоторыя дополненія можемъ мы получить, разсматривая тѣ извѣстія, которыя имѣются о праздникѣ наступленія новаго года въ частной жизни персовъ⁶⁾. Мы узнаемъ, что наканунѣ новаго года,

1) Th. Hyde, *Veterum Persarum et Parthorum et Medorum religionis historia*, editio secunda, Oxonii, 1760, 236 слѣд. основывался въ своихъ сообщенїяхъ и на ференгахъ, и на доступныхъ ему арабскихъ авторахъ, напр. Казвїнїи.

2) J. Morier, *A journey through Persia, Armenia and Asia Minor*, London, 1812, 205 foll.; W. Ouseley, *Travels in various countries of the East, more particularly Persia*, vol. I, London, 1819, 224 foll., vol. III, London, 1823, 337 foll.; R. Ker-Porter, *Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820*, vol. I, London, 1821, 316 foll. (извѣстія о Наурузѣ изъ Керъ-Портера переведены были на русскій языкъ въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1834 г., № 18 и 19, Смѣсь). Статья П. Мельникова, О персидскихъ праздникахъ при Сассанидахъ (Литературная Газета, 1840, № 103, 2361—2371) представляетъ собою компилляцію изъ извѣстій старыхъ путешественниковъ и переводовъ позднѣйшихъ арабскихъ писателей.

3) J. E. Polak, *Persien, das Land und seine Bewohner*, I Theil, 1865, XII, 367—389. Въ извѣстномъ сочиненїи L. Dubeux, *La Perse*, Paris, 1841, 461—462, говорится о Наурузѣ очень немного.

4) Ср. нāрджилѣ (скорлупа кокосоваго орѣха) въ вышеописанной церемонїи.

5) S. G. Wilson, *Persian life and customs*, 2-nd edition, Edinburgh — London, 1896, 246.

6) См. напр. о семи сортахъ плодовъ на лоткѣ — газета Кавказъ, 1859, 19 апрѣля, № 30, 155 особенно; журналъ Иллюстрація, 1863, 7 марта, № 260, 147; газета Обзоръ, 1880, 14 марта, № 446; Wilson, 246. О боязни предпринимать что-либо Елла

въ большей части домовъ готовится такъ наз. «хафтъ сѣнъ», семь сѣновъ, состоящій изъ большого подноса, на которомъ разставлено семь вещей, необходимыхъ, по народному повѣрью, для домашняго обихода, названіе которыхъ начинается съ буквы с—прямое сходство съ обрядовымъ столомъ сасанидской Персіи. Кромѣ того, намъ сообщаютъ о повѣрїи, что всѣ тѣ дѣла, которыя человекъ вершитъ въ день Наурӯза, онъ будетъ дѣлать весь годъ—параллель къ извѣстію о томъ, что сасанидскіе цари опасались совѣщаться о чемъ либо въ Наурӯзъ. Какъ параллель къ соколу, необходимому въ старину при праздникѣ, укажемъ, что и въ современной Персіи имѣется своя, посвященная специально Наурӯзу, птица, мурги-наурӯзїи, чайка. Я не буду говорить о другихъ весьма интересныхъ обычаяхъ, не имѣющихъ отношенія къ нашему тексту¹⁾.

Выходя, въ тѣхъ же цѣляхъ комментарія, за предѣлы персидской народности, мы ограничиваемся нѣсколькими примѣрами тѣхъ племенныхъ группъ, которыя нѣкогда находились подъ персидскимъ культурнымъ вліяніемъ, но уже съ давнихъ поръ приняли другую культуру. Благодаря значительному количеству собраннаго матеріала, мы имѣемъ возможность, въ видѣ такихъ примѣровъ, взять осетинъ и нѣсколько группъ картвельскаго народа²⁾. Оставляя въ сторонѣ рядъ извѣстій о празднованіи новаго года въ старину при дворѣ грузинскихъ царей, когда напр., по обычаю, распорядитель охоты представлялъ царю быстрого сокола въ клѣткѣ, и въ современныхъ обычаяхъ мы находимъ любопытныя параллели къ сообщеніямъ Кясравїи. Всѣ изслѣдователи этихъ обычаевъ единогласно указываютъ на то, что главнѣйшими моментами праздника являются: заготовленіе новогод-

Sykes, *Persian Folklore*, жур. *Folk-lore*, vol. XII, 1901, 276. О чайкѣ, какъ новогодней птицѣ E. G. Browne, *A year amongst the Persians*, London, 1893, 256, и т. д. Изъ двухъ новѣйшихъ статей о Наурӯзѣ въ Персіи, одна — П. Wohlboid, *Neujahr in Persien* въ жур. *Aus allen Welttheilen*, 1894, Heft 12, 649—652 не даетъ ничего новаго, другая — *La fête du Nourouz en Perse* въ жур. *Tradition*, 1901, 11, p. 73, оказалась для меня недоступной. Въ русской литературѣ областныя описанія встрѣчаются въ достаточномъ количествѣ; ср. еще напр. Сбор. мат. для изуч. мѣст. и пл. Кавказа, V, отд. I, 153—154 (Бакинская губ.), или XXVII, отд. II, 199—201 (Эриванская губ.), или Сбор. мат. по этногр. изд. при Дашковскомъ Этн. музеѣ, вып. III, 112 (Азербейджанскіе татары).

1) Ср. напр. о качеляхъ при старомъ и новомъ Наурӯзѣ — Бїрүнї, 114, 1—v и газ. Кавказъ, цит. ст.

2) В. Ф. Миллеръ, *Осетинскіе этюды*, ч. II, изслѣдованіе, Москва, 1882, 264 слѣд.; А. С. Хахановъ, *Празднованіе Нового года у Грузинъ*, *Этнографическое Обзорѣніе*, кн. III, 1889 г., 27—40; Д. Маргіани, *Сванеты* (нѣкоторыя черты быта), *Сборникъ матеріаловъ для изученія мѣстностей и племенъ Кавказа*, вып. X, отд. II, 69—87; В. Ломинадзе, *Встрѣча Нового года у Грузинъ*, тамъ-же, вып. XIII, отд. II, 3—8; Т. Мамаладзе, *Народные обычаи и повѣрья Гурїйцевъ: Новый годъ, Калавда*, тамъ-же, вып. XVII, отд. II, 15—36; М. Кордзахїя, *Встрѣча и празднованіе Нового года у мингрельцевъ*, тамъ-же, вып. XXXII, отд. III, 153—155.

ней жертвы, состоящей из пироговъ или лепешекъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, и поздравленіе, совершаемое главою дома или особымъ поздравителемъ. Наканунѣ заготавливаются обрядовые хлѣба и прочія принадлежности лотка или подноса, который служитъ для раскладыванія на немъ новогодней жертвы. Въ день новаго года, до разсвѣта, хозяинъ, или выбранные мужчина и женщина, или, наконецъ, всѣ мужчины выходятъ изъ избы и, трижды обойдя ее, стучать въ дверь. На вопросъ: кто тамъ и что несеть? слѣдуетъ отвѣтъ: приношу счастье и благополучіе. Когда поздравляющего или поздравляющихъ впускаютъ, онъ или они, среди прочихъ церемоній, разбрасываютъ по комнатѣ хлѣбныя зерна и раздаютъ принесенныя въ связкѣ вѣтви, по треску которыхъ на очагѣ производится гаданіе. Новогодняя жертва состоитъ изъ различныхъ предметовъ: главнымъ являются хлѣба или лепешки различной формы, посвященные различнымъ лицамъ, животнымъ, даже предметамъ въ домѣ; затѣмъ кладутся прочія вещи—всѣмъ имъ отведено на лоткѣ особое мѣсто. Весьма важную роль играетъ поздравитель, «пролагающій стезю счастья», избираемый цѣлою деревней, либо приглашаемый особо хозяиномъ дома; этотъ человѣкъ долженъ быть добрымъ, кроткимъ, нравственнымъ, главное же—нога его должна быть счастлива, т. е. онъ долженъ принести счастье; при посѣщеніи избы онъ, какъ и хозяинъ, разсыпаетъ по ней зерна. Существуетъ также повѣріе, что первый гость принеситъ счастье или несчастье и что день новаго года есть день рѣшенія судьбы. Эти примѣры несомнѣнно, думается намъ, имѣютъ отношеніе къ тому, что описывается въ текстѣ Кисравіи.

Мы видимъ, что арабскія извѣстія объ обычаяхъ при дворѣ сасанидскихъ царей объясняются нѣкоторыми явленіями жизни современнаго христіанскаго населенія Кавказа, и въ свою очередь объясняютъ ихъ.

V.

За описаніемъ поздравленія съ новымъ годомъ, Кисравіи даетъ краткія сообщенія о двухъ, соблюдавшихся въ день Науруза обычаяхъ. Первый состоялъ въ томъ, что дѣвушки брали для царя тайно мельничную или цистерновую воду, наливавшуюся въ желѣзные или серебряные кувшины; на шейку этихъ кувшиновъ одѣвалось ожерелье изъ золотой нити и драгоценныхъ камней. Согласно же второму обычаю, если Наурузъ приходился въ субботу, царь выдавалъ главѣ еврейской общины четыре тысячи дирхемовъ.

Ранѣе, въ цѣляхъ объясненія текста, мы обращались уже къ тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются о сходныхъ по содержанию, но

различныхъ по времени обычаяхъ. Два обычая, упомянутые у Кисраві рядомъ совершенно случайно, даютъ возможность любопытнаго сопоставленія.

Объясненіе перваго обычая не представляетъ затрудненій: оно вытекаетъ изъ самой сущности Науруза, особенно если описываемое празднованіе относятъ не къ первому, а шестому дню, посвященному духу-покровителю водъ. Назначеніе этой воды не указывается; весьма вѣроятно, что она служила для того обряда, который носилъ названіе «разливаніе воды»¹⁾ и арабскія легенды о происхожденіи котораго сообщаются въ той же Китабъ-аль-махасинъ уа-ль-аддăдъ, можетъ быть даже со словъ тогоже Кисраві, вслѣдъ за приведеннымъ нами текстомъ; весьма вѣроятно также, что она употреблялась на печеніе обрядовыхъ хлѣбовъ. Пряности смысла обычая, комментаріи излишни. Кромѣ того, мы можемъ воспользоваться этимъ впервые сообщаемымъ у Кисраві рассказомъ для того, чтобы дать историческое основаніе нѣкоторымъ изъ современныхъ обычаевъ. Мы знаемъ²⁾, что мусульманинъ-шіитъ, для счастья въ новомъ году, приноситъ домой изъ родника кувшинъ воды и, придя на мельницу, семь разъ прикладываетъ къ головѣ тотъ вѣникъ, которымъ очищаютъ жернова; или, отправившись до разсвѣта на мельницу и семь разъ пройдя подъ мельничнымъ желобомъ, беретъ кувшинъ мельничной воды и употребляетъ ее на печеніе праздничнаго хлѣба. Далѣе, этотъ обычай мы находимъ и у кавказскихъ христіанъ, нѣкоторыхъ племенъ картвельскаго народа³⁾: существуетъ обычай, въ утро новаго года пойти съ кувшиномъ за водой и притомъ такъ, чтобы пройти и туда, и обратно въ полномъ молчаніи, и ни съ кѣмъ не заговорить.

Итакъ, современные обычай мусульманъ-шіитовъ и кавказскихъ христіанъ получаютъ историческое основаніе въ древне-персидскихъ вѣрованіяхъ.

Второй обычай сопровождается у Кисраві знаменательными словами: «и не знали иной причины этому какъ то, что это — обычай, исполнявшійся и сдѣлавшійся обязательнымъ, какъ поголовная подать». Эти слова, вполне опредѣляющія наше понятіе культурнаго пережитка, указываютъ на то, что обычай не находилъ объясненія въ существовавшихъ условіяхъ⁴⁾. Не

1) Бирѹнн, I, 1, 202—203.

2) А. К., Что долженъ сдѣлать каждый дербентскій мусульманинъ (шіитъ), чтобы счастливо провести весь новый годъ, Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Имп. Русс. Географическаго Общества, т. I, Тифлисъ, 1872—1873, 20—23; газета Обзоръ, цит. ст.

3) Хахановъ, цит. ст. 40; Маргіани, цит. ст. 84.

4) Бар. В. Р. Розенъ обратилъ наше вниманіе на то, что это сообщеніе было перепеждено проф. Гольдциэромъ въ жур. Jeschurun, Deutsche Abtheilung, B. VIII, 1871, 77

предпринимая сложных экскурсий въ чуждую намъ область, укажемъ лишь на нѣкоторыя, возможныя при новѣйшихъ изслѣдованіяхъ сближенія¹⁾. Мы знаемъ, что еврейскій праздникъ пачала весны, т. н. Пуримъ, согласно преданію, сообщаемому въ Книгѣ Есоирь, стоитъ въ связи съ чествованіемъ персидскимъ царемъ главы еврейской общины²⁾. Для возникновенія самого чествованія можно искать извѣстное историческое основаніе въ до-сасанидской Персіи³⁾. Тотъ же фактъ, что въ сасанидскую эпоху оно имѣло мѣсто лишь тогда, когда день Науруза совпадалъ съ субботнимъ днемъ, можетъ найти себѣ объясненіе въ томъ, что первоначальный смыслъ обычая былъ уже забытъ и традиція сохранялась только при внѣшнемъ совпаденіи. Наконецъ, укажемъ на то, что въ еврейскомъ преданіи, въ десятой и послѣдней главѣ Книги Есоирь, между сообщеніемъ объ обязательности празднованья Пурима и заключеніемъ о записи этой исторіи въ персидскія историческія книги, говорится, что персидскій царь наложилъ подать; мы думаемъ — въ пользу еврейской общины⁴⁾. Поэтому и выраженіе нашего текста «поголовная подать» — можно было бы понимать буквально, т. е.,

(потомъ въ томъ же почти видѣ перепечатано въ *Revue des études juives*, 1884, 122), причѣмъ тексту приданъ тотъ смыслъ, что глава еврейской общины не получалъ, а самъ платилъ деньги. Далѣе слѣдовала оговорка, что при правильномъ съ грамматической стороны переводѣ не былъ бы понятенъ дальнѣйшій текстъ объ обязательности этой суммы, какъ поголовной подати.

1) В. Meissner, *Zur Entstehungsgeschichte des Purimfestes*, ZDMG, В. 50, 1896, 296—302 (ср. ZDMG, В. 55, 1901, 388—391); W. Erbt, *Die Purimsage in der Bibel*, Berlin, 1900; J. Scheftelowitz, *Arisches im Alten Testament. I. Königsberg*, 1901; Cheyne-Black, *Encyclopaedia Biblica*, vol. II, London, 1901, Esther, Th. N[öldeke] и vol. III, London, 1902, Purim, С. Н. J[ohns], J. G. F[razer] and T. K. C[heyne]. Во всѣхъ этихъ работахъ разсматриваются и предшествующія изслѣдованія — de Lagarde'а съ одной стороны, Zimmerg'а и Jensen'а съ другой.

2) Празднованье возводится Zimmerg'омъ и Jensen'омъ къ вавилонскому мино; несмотря на скептицизмъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ подводящей итоги статьѣ Nöldeke, 1404—1405, признается связь съ этимъ миномъ и считается возможнымъ самый праздникъ связывать съ вавилонскимъ Загмукомъ, причѣмъ высказывается надежда, что дальнѣйшія открытія бросятъ свѣтъ на этотъ темный вопросъ. Восбще говоря, можно сближать Пуримъ съ древне-персидскимъ *Σάχαια* (миѣніе Meissner'а). Объ этомъ послѣднемъ праздникѣ извѣстны сообщенія Ктесія и Бероза (оба цитованы въ схоліяхъ Асенея и хотя не цитованы, но вѣроятно служили источниками извѣстію Діона Хризостома).

3) Мы думаемъ, что это миѣніе можно высказать, даже сводя до наименьшей степени присутствіе историческихъ элементовъ въ Книгѣ Есоирь. Таково напр. и миѣніе проф. Nöldeke, 1402, считающаго, что немногіе историческіе факты не измѣняютъ общаго характера вымышленности Книги Есоирь. Впрочемъ, онъ считаетъ самое открытіе такихъ фактовъ мало вѣроятнымъ (a thing scarcely probable). И Erbt (напр. 38, 59), и Scheftelowitz (напр. 18, 61) болѣе допускаютъ присутствіе историческихъ элементовъ.

4) Необходимо отмѣтить, что именно это мѣсто текста Книги Есоирь, при различіи объясненій, признается непонимаемымъ изъ контекста отрывкомъ. Ср. напр. E. Bertheau, *Die Bücher Esra, Nehemia und Ester*, Leipzig, 1862, 352—353 (миѣніа котораго и по сіе время придерживается Wellhausen, *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1902, 143) и Erbt, 33.

что царь приказывалъ уплатить означенную сумму не изъ своей казны, а какъ налогъ съ населенія¹⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что обычай, утратившій смыслъ уже въ сасанидской Персїи, можетъ имѣть основаніе въ еще болѣе глубокой стариинѣ.

VI.

Послѣднимъ изъ упоминаемыхъ Кисравіи обычаевъ Науру́за, является постройка вокругъ дворцоваго двора, за двадцать пять дней до начала праздника, крпичныхъ столбовъ и засѣваніе ихъ различными сортами зеренъ, по числу двѣнадцатую; посѣвъ собирался, какъ то въ данномъ случаѣ указывается Кисравіи, въ шестой день праздника съ пѣніемъ, музыкой и играми, а столбы разбивались въ Рӯзи-Михръ²⁾, т. е. въ шестнадцатый день мѣсяца; по росту отдѣльныхъ сортовъ заключали объ урожаѣ въ наступающемъ году; наибольшее вниманіе удѣлялось посѣву ячменя. Краткое упоминаніе объ этомъ обычай мы находимъ и у Бірӯнїи (РIV, 14—г.; 202)—возникновеніе его онъ относитъ къ эпохѣ Джамшїда; объясняетъ его такъ-же, какъ Кисравіи; число сортовъ опредѣляетъ въ семь; особенно отмѣчаетъ посѣвъ ячменя.

Этотъ обычай, какъ и два предыдущихъ, не находятъ себѣ объясненія въ богослужебномъ ритуалѣ; по своему характеру, онъ принадлежитъ къ весьма распространенному виду обычаевъ, связывающихъ земледѣльческую культуру съ временемъ года. Соблюдавшійся въ Науру́зъ обычай «разливанія воды», не упоминаемый Кисравіи, но подробно описанный Бірӯнїи, въ основѣ принадлежитъ къ этой же группѣ³⁾. Что касается до тѣхъ внѣшнихъ формъ,

1) Въ разное время налогъ этотъ могъ уплачиваться различно: деньгами, натурой, барщиной. Для насъ важно, что текстъ, при правильномъ переводѣ, имѣетъ опредѣленный смыслъ, вопреки мнѣнію проф. Гольдцїера; слово «джизья», поголовная подать, въ сочиненїи мусульманскаго писателя не обязательно должно относиться къ евреямъ, но можетъ примѣняться и къ огнепоклонникамъ, — подданнымъ сасанидскаго царя.

2) Михръ, Митра, духъ свѣта, имѣлъ отношеніе къ празднованью Науру́за. Бірӯнїи (РIV, 10—11; 202) говоритъ, что утромъ въ день Великаго Науру́за, какое-то безмолвное существо (شخص صامت) явлется на горѣ Бушанджъ (или на горѣ у Бушанджъ, Siro-nology, 422) съ пучкомъ душистыхъ травъ, бываетъ видно часть и исчезаетъ до слѣдующаго года; ср. съ этимъ появленіе и пребываніе Митры на горѣ Харъ—F. Windischmann, Mithra. Ein Beitrag zur Mythengeschichte des Orients, Leipzig, 1857 (Abhandl. f. die Kunde des Morgenlandes, I, № 1), 52—53, 63.

3) Ср. для аналогїи съ нашимъ случаемъ общія замѣчанія Revue de l'histoire des religions, t. XLVI, 1902, 244 и H. Schurtz, Völkerkunde, Leipzig — Wien, 1903, 117—118. Среди разныхъ объясненїи возникновенія этого обычая, Бірӯнїи приводитъ одно, совершенно подходящее для даннаго случая, — именно, что этотъ день посвященъ водяному духу Харӯдъ (هرودا) (РIV, v; 203) т. е. Хурдъдъ, Хаурватътъ; но интересно, что названіе шестого дня

въ которыя облеклось вѣрованіе въ данномъ случаѣ, то здѣсь мы имѣемъ несомнѣнно образецъ такъ наз. «садовъ Адониса».

Культъ бога умпрающей и возрождающейся природы, Адониса, справлявшійся въ Греціи еще въ V-омъ вѣкѣ до Р. Х., получилъ выраженіе въ особыхъ праздникахъ, именовавшихся Адоніями¹⁾. Отличительной чертой этихъ праздниковъ являлись т. н. Адонисовы сады. Это были корзины или сосуды, наполненные землей, въ которые сѣяли зерна различныхъ растений — пшеницы, ячменя, укропа, латука. Въ восемь дней эти растенія, выставленныя на крышахъ домовъ, созрѣвали и затѣмъ, вмѣстѣ со сдѣланными для этого случая фигурами Адониса, бросались въ воду — въ море или источники. Все это ясно проникнуто календарной символикой. Работы по отождествленію Адониса съ Таммүзомъ и сближенію съ нѣкоторыми другими культами, напр. съ культами Озприса и Діониса, значительно расширили область распространенія этого обычая въ древнемъ мірѣ. Извѣстія Кисраві и Бірруніи вводятъ Адонисовы сады, придавая этому слову болѣе широкій смыслъ, на почву сасанидской Персіи. Въ частности, разумѣется, есть различія. Время произрастанія опредѣляется нашимъ текстомъ въ тридцать дней, въ мѣсяцъ, — тогда какъ аоніскіе сады возрастали въ восемь дней; различіе, очевидно, вызываемое мѣстными условіями. Отмѣтимъ, что въ одномъ изъ признаемыхъ переживаній культа Адониса, именно въ праздникѣ Іоанна Предтечи на островѣ Сардиніи, время произрастанія въ сосудахъ сѣмянъ опредѣляется приблизительно въ мѣсяцъ (конецъ мая — 24 іюня). Далѣе, въ одномъ случаѣ, сосуды или корзины съ растеніями бросались въ воду, въ другомъ же лишь снимались и разсыпались зерна, а столбы разбивались уже послѣ праздника. Очевидно, что при существованіи обычая разливанія и опрыскиванія водой, бросаніе въ воду оказалось излишнимъ и такимъ образомъ обычай посѣва зеренъ на глиняныхъ столбахъ имѣлъ отношеніе лишь къ матеріальнымъ атрибутамъ второго изъ двухъ недѣлимыхъ духовъ-покровителей шестого и седьмого дней

мѣсяца приводится имъ совершенно правильно Хурдăдъ. Связь между именемъ духа и названіемъ дня ускользнула отъ него.

1) Raoul Rochette, Mémoire sur les jardins d'Adonis, Revue archéologique, VIII année, I partie, Paris, 1851, 106 suiv.; F. Liebrecht, Zur Volkskunde, Heilbronn, 1879, 251—260, Tammüz-Adonis (изъ ZDMG, XLII); W. H. Roscher, Lexicon der griechischen und römischen Mythologie, B. I, Leipzig, 1884—1890, 69—77; Frazer, The golden Bough, London, 1890, 278, 284, 288, 290, 363; Pauly-Wissowa, Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, B. I, Stuttgart, 1894, 385—395 (отрицательно къ семитическому происхожденію); R. Wünsche, Das Frühlingsfest der Insel Malta, Leipzig, 1902 (III—Adonis, 19—31, 46—53) (ср. ZDMG, B. LV, 221 folg.). По русски А. Н. Веселовскій, Гетеризмъ, побрагитство и кумовство въ купальской обрядности, Ж. М. П. 1894, № 2, ч. 291, стр. 290 слѣд.

мѣсяца — Мурдāда-Амеретāта¹⁾). Наконецъ, въ пѣсняхъ и играхъ, съ которыми совершалось собираніе и разсыпаніе зеренъ, является аналогія съ тѣми церемоніями и пѣснями, которыя имѣли мѣсто при Адоніяхъ и сходныхъ съ ними торжествахъ²⁾).

Къ вышеприведеннымъ соображеніямъ добавимъ еще нѣсколько словъ. Уже Либрехтъ, въ своей статьѣ объ Адонисѣ-Таммўзѣ³⁾, высказывалъ мнѣніе о влияніи культа этого семитскаго бога природы на празднованіе мусульманами-шіитами поминовенія смерти Хусейна. Позже, г. Эрдмансъ⁴⁾, не указывая на работу Либрехта, при разборѣ вопроса о происхожденіи церемоніи 10-го Мухаррема, возвелъ ее также къ культу Таммўза. Кромѣ ряда частныхъ соображеній, преимущественно взятыхъ изъ вышнихъ формъ культа, указывалось также на то, что возникновеніе празднованія относится не въ собственную Персію, а въ Месопотамію, въ Багдадъ, и что объясненія праздника Хусейна нельзя найти въ древней персидской религіи. Благодаря извѣстіямъ Кисраві и Бїрўнї, есть возможность сопоставить эту церемонію съ сасанидскимъ Наурўзомъ. Тогда въ обоихъ праздникахъ можно опредѣлить присутствіе общихъ элементовъ празднованія весны, причемъ мусульманскій праздникъ вводитъ въ новую календарную систему—древнее персидское представленіе о повомъ годѣ. Поэтому, можно сказать, что два главнѣйшіе современные персидскіе праздника — Наурўзъ и Рўзя-Катль, возникшіе въ исламѣ совершенно различнымъ путемъ, имѣютъ общія черты въ ихъ календарномъ характерѣ.

VII.

Описаніе празднованія Наурўза Кисраві заканчиваетъ перечисленіемъ тѣхъ пѣсень, которыя пѣлись во время праздника, и рассказомъ объ извѣстномъ мепестрелѣ царя Хозроя Парвиза Пахлабадѣ, въ арабской формѣ Фахлабадѣ. Наурўзъ, какъ важнѣйшій народный праздникъ, долженъ былъ

1) Интересно отмѣтить, что согласно относимому въ древность обычаю, Персы сажаютъ на тарелки ячмень, пшеницу, чечевицу и крессъ, и въ тринадцатый, т. е. послѣдній день праздника, опять таки, согласно обычаю, выбрасываютъ все это на улицу. У современнаго персидскаго крестьянина, время посѣва тѣхъ или другихъ зеренъ также опредѣляется Наурўзомъ (Polak, 369, 389). О грузинскомъ обычаѣ бросать хлѣба въ избу см. Хадановъ, 39.

2) Объ обычаѣ «оплакиванья Адониса» въ мусульманскую эпоху см. сообщенія Ибнъ-аль-Асіра у А. Kremer, *Studien zur vergleichenden Culturgeschichte aus arabischen Quellen*, SBWA., phil.-hist. Classe, B. 120, Wien, 1890, VIII Abhandlung, 84 или W. Robertson-Smith, *Die Religion der Semiten*, Freiburg, 1899, 317.

3) О. с. 254 folg.

4) B. D. Eerdmans, *Der Ursprung der Zeremonien des Hoseifestes*, *Zeitschrift für Assyriologie*, B. IX, Weimar, 1894, 280—307.

дать выходъ завѣтнымъ художественнымъ стремленіямъ. Вѣроятно случайно, но весьма типично для старой Персіи, Кисравіі оканчиваетъ свое описаніе пѣснями и пѣвцомъ. Недаромъ персидская музыка пользуется заслуженной извѣстностью въ мусульманскомъ мірѣ; недаромъ нашъ текстъ противопоставляетъ персидскихъ менестрелей-пѣвцовъ арабскимъ поэтамъ-декламаторамъ; недаромъ, наконецъ, именемъ Наурӯза именуется въ персидскомъ языкѣ цѣлый рядъ музыкальныхъ мелодій¹⁾.

Среди пѣсенъ у Кисравіі называются — «пѣснь обращенія», вѣроятно поздравительная пѣснь къ царю; весеннія пѣсни, веснянки²⁾ — необходимыя по самому характеру праздника; пѣсни, въ которыхъ, по выраженію текста, описывались «сыновья великановъ», т. е. пѣсни героическія, позже послужившія матеріаломъ для Фирдоусі; пѣсни о дождяхъ или о созвѣздіяхъ, вызывающихъ дожди, т. е. пѣсни о такихъ великихъ для земледѣльческой культуры явленіяхъ природы, которыя какъ разъ своевременно было вспомнить въ день наступленія весны³⁾; наконецъ — *āfrīnī*, *хусравānī*, *мāдарā-sānī*, *фахлабадъ*. Проф. Броунъ⁴⁾ считалъ, повидимому, эти послѣднія названія за имена пѣвцовъ, въ чемъ, за исключеніемъ *фахлабада*, по нашему мнѣнію, не представляется необходимости. *Āfrīnī*, по самому значенію слова, могли быть пѣсни, восхваляющія или благославляющія того, къ кому обращались. *Хусравānī* т. е. «царскія», сочиненіемъ которыхъ, по словамъ Са'алибі, славился какъ разъ *Фахлабадъ*, пользовались распространеніемъ на мусульманскомъ Востока въ средніе вѣка⁵⁾. *Мāдарā-sānī* можно, согласно ссылкѣ *Фанъ-Флотена* при изданіи текста⁶⁾, читать *Мāдарва-стānī* и производить отъ города *Мāдарвастān*, близъ *Хульвāna*⁷⁾.

Легендарная личность менестреля *Фахлабада*, или, какъ въ другихъ источникахъ, *Бārбада*, послужила уже предметомъ подробныхъ разысканій проф. Броуна⁸⁾. Изъ извѣстій, дополняющихъ собранные имъ матеріалы,

1) Vullers, *Lexicon persico-latinum*, t. II, 1357; съ такимъ значеніемъ слово имѣется и у Грузинъ — Н. Я. Марръ, *Критика и мелкія статьи* (Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи, V) СПб. 1903, 65.

2) Вѣроятно въ родѣ приводимой у Ahmed bey Agaieff, *Les croyances mazdéennes dans la religion chiite*, *Transactions of the IX-th international congress of orientologists*, vol. II, London, 1893, 514.

3) Ср. Kremer, *Studien etc.* 81.

4) E. G. Browne, *A literary history of Persia*, London, 1902, 18.

5) H. Zotenberg, *Histoire des rois des Perses par al-Tha'ālibī*, *texte arabe publié et traduit*, Paris, 1900, 698 и Al-Makkari, *Analectes sur l'histoire et la littérature des arabes d'Espagne*, publiés par Dozy, Dugat, Krehl et Wright, II, Leyde, 1858—61, 114.

6) 𐎠𐎡𐎢, note o.

7) О другихъ персидскихъ мелодіяхъ Zotenberg, 696—697.

8) Сначала въ статьѣ *The sources of Dawlatshūh*, with some remarks on the materials available for a literary history of Persia and an Excursus on Bārbad and Rūdāgī, *Journ. of*

мы можемъ указать еще на данныя у Са'алибї¹⁾. Сообщенія Кисравї не даютъ намъ въ данномъ случаѣ ничего новаго и служатъ лишь еще разъ доказательствомъ распространенности этого преданія.

Всѣ эти извѣстія Кисравї относятъ, безъ какихъ бы то ни было точныхъ опредѣленій, въ до-мусульманскую эпоху самостоятельнаго существованія персидскаго государства. Лишь заключаая упоминаніемъ о Фахлабадѣ и дняхъ Кисры Абравїза, онъ даетъ хронологическое опредѣленіе. Мы не думаемъ, однако, на этомъ основаніи, что Наурӯзъ описанъ имъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онъ справлялся лишь въ то время, — ритуаль празднїка по своему характеру имѣлъ независимое отъ преходящихъ причинъ значеніе. Но это упоминаніе можетъ служить указаніемъ на время составленія источниковъ описанія Кисравї. Къ этимъ послѣднимъ временамъ процвѣтанія сасанидскаго государства относится составленіе историческихъ записей, т. н. Худай-Намэ²⁾, которыми пользовался Кисравї какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ своихъ сообщеніяхъ.

К. Иностранцевъ.

the Royal Asiat. Soc., 1899, 54—69; потомъ Literary history, 14—19, съ библиографіей извѣстїи восточныхъ авторовъ о Фахлабадѣ, 14, note 2.

1) Zotenberg, 694—698, 703—705.

2) Nöldeke, XV folg.